

Киевский Балканский клуб

balkankiev@yahoo.com, balkankiev@hotmail.com

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
В МЕГАПОЛИСЕ.**

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ.**

Киев – 2006 г.

Содержание.

Введение	3
1. Особенности современной эпохи	4
2. Мегалополис	18
3. Молодежная субкультура	19
4. Национальные культуры и их существование в городских условиях ...	25

Список иллюстраций.

Кришнаиты	4
Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад	6
Акрополь Афин	7
Каменя Гонзага	8
Фридрих Вильгельм Ницше	9
Акрополь (реконструкция)	10
Собор св. Петра (Рим)	11
Дэвид Герберт Лоуренс	12
Сальвадор Дали (автопортрет)	13
Аполлон Бельведерский	14
Дионисийский фиас	15
Надежда Константиновна Крупская	16
Фанатки Макдональдса	18
Ночной Нью-Йорк	19
Панорама ночного Лос-Анджелеса	20
В ночном клубе	21
Хиппи	22
Лист конопли – культового растения растаманов	23
Панки	24
Болгарская девушка из Родоп (окр. Хасково) (www.eliznik.co.uk)	26
Румынский крестьянин (окр. Валя-Штеярулуй) (www.eliznik.co.uk)	27
Народный праздник в Македонии	28
Николай Корнилиевич Пимоненко. Жертва фанатизма	29
Болгарские женщины из Добруджи (Силистра) (www.eliznik.co.uk)	30
Марк Аврелий Антонин	32
Рассвет в горах	35

Введение.

Пожалуй, в каждом крупном городе в наше время существуют общества, объединяющие людей по национальному признаку. Появление национальных обществ обычно принято считать отрядным явлением. Возникает возможность для реализации культурных запросов людей, идентифицирующих себя с соответствующей национальной культурой. Между тем создание национальных обществ есть скорее тревожный симптом. Может ли появиться, к примеру, румынское национальное общество в Румынии? Нет, ибо вокруг, попросту говоря, и так румыны. Поэтому можно быть уверенным, что появление национального общества – реакция национальной культуры на условия, угрожающие ее существованию. Создают же национальное общество носители соответствующей культуры, ощутившие эту угрозу. Отличие городских условий жизни от сельских общеизвестно. Таким образом, цель любого национального общества – обеспечить успешное выживание соответствующей культуры в условиях, препятствующей ее успешному выживанию. Под выживанием культуры подразумевается ее стабильное существование и наследование на протяжении многих поколений без потери характерных национальных черт.

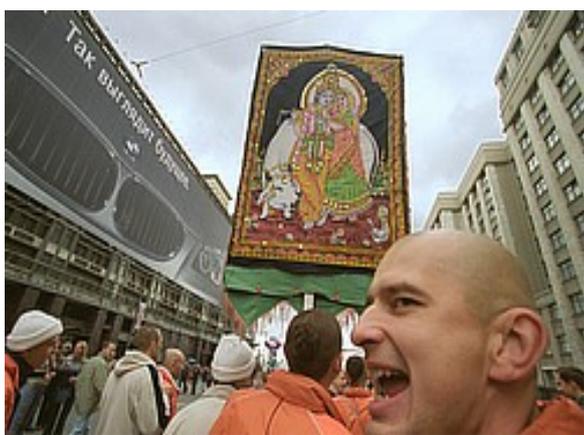
Основой воспроизводства любой культуры является передача ее от одного поколения носителей к следующему. В доиндустриальном (деревенском) обществе подобная культурная преемственность неразрывно связана с преемственностью биологической. Дети просто усваивают образ жизни родителей. При этом усвоению подвергаются не только трудовые навыки, но и все прочие. Например, таким образом столетиями может оставаться неизменной структура народных праздников или фольклорных текстов. Особенности деревенского уклада жизни делают такое усвоение и последующее воспроизводство неизбежным. Более того, надежность механизмов такого усвоения позволяет доиндустриальным культурам успешно воспроизводиться на протяжении многих поколений. Было бы ошибкой утверждать, что доиндустриальные культуры полностью защищены от инноваций. Однако любые нововведения приживаются лишь при условии их значимости для выживания коллектива. Поскольку консервативность сельскохозяйственного способа производства несомненна, эволюция доиндустриальных культур – процесс крайне медленный, чтобы не сказать незаметный. Способ жизни, усвоенный от родителей, на протяжении жизни одного ныне живущего поколения может остаться неизменным и в том же виде быть усвоенным потомками. Именно поэтому доиндустриальные культуры принято именовать традиционными.

Проблема состоит в том, что непосредственной передачи потомкам национальных традиций в городе не происходит, в отличие от деревни. Содержание традиционных культур не имеет ценности для жизни в городских условиях. Иной образ жизни требует иных навыков и иных ценностей. Поэтому ценности доиндустриальных культур лишены привлекательности для современной городской молодежи. На практике это значит, что традиционные культуры, успешно

просуществовав сотни лет в деревне, в городе угасают за одно поколение – факт, над которым мало кто задумывается. Возвращаясь к национальным обществам, можно увидеть, что мы подошли к главному вопросу: как привлечь в такие общества молодежь соответствующего происхождения? Можно, разумеется, осуществлять материальное стимулирование участия молодежи в работе национального общества. Однако это приводит к тому, что принадлежность к нему рассматривается в качестве коммерческой сделки. Насколько можно судить, таков удел очень многих национальных обществ.

Драматизм ситуации состоит в том, что ценности национальных культур, не пользуясь спросом в наши дни, все же обладают ценностью. Национальные культуры представляют интерес как неотъемлемая часть культуры мировой. Их вымирание неизбежно обеднит ее. Именно так – как сохранение культуры в целом – и должна рассматриваться любая деятельность, направленная на спасение национальных культур. Однако (и это не все понимают) человек, выросший в недрах национальной культуры, не всегда способен взглянуть на нее со стороны. Носители национальных традиций, как было отмечено выше, обычно стремятся лишь к консервации родных культур. Тем самым они сужают возможности выживания национальных культур в городской среде и ускоряют их упадок. Уберечь от забвения богатство народных традиций и обычаев, специфику национального мироощущения способен лишь тот, кто сознаёт роль всех типов культуры в мировом историческом процессе; тот, кто ощущает значимость мировой культуры как целого. Лишь таким путем можно адаптировать духовные ценности традиционных культур для усвоения их молодежью.

1. Особенности современной эпохи.

Европейская культура в конце тысячелетия.

Духовное состояние совершеннолетних европейцев в настоящее время одной фразой описать невозможно. Эпоха напряженных поисков единственно правильного образа жизни миновала. Гонения на инакомыслящих вроде бы безвозвратно отошли в прошлое. Современная европейская культура очень полифонична, многовариантна и богата. Общеобязательных ценностей и правил поведения не существует. Это стало возможным благодаря тому, что современная европейская культура есть культура городская. К настоящему времени в городах проживает около половины всего населения Земли. Народные календарные праздники отмечаются в глубинке, но носят фольклористический характер. Культурный процесс продолжается в городских центрах (Лондон, Париж, Рим, Фло-

ренция, Вена), опирающихся на многовековые писанные и неписанные традиции. При этом каждый культурный центр вносит в полифоничное звучание ансамбля европейской культуры свою мелодию и по-своему обогащает европейскую палитру. Впрочем, по-прежнему в силе традиционное деление европейских стран на первосортные (нордические страны, Франция, Швейцария, Италия) и второсортные (прочие страны).

Европейское искусство, как заметил С.С. Аверинцев, стало более сложным. Понятие нормы в этике включило в себя практически все мыслимые формы поведения. Религия в форме христианства утратила монополию по причине секуляризации духовной жизни и распространения новых религиозных течений. Границы духовной свободы расширились многократно. При этом произошло то, чего никто не ожидал, хотя об этом предупреждал еще Ницше: пропорционально возрастанию свободы возросла ответственность. То, чего за тебя никто не решает, то, что составляет твою личную свободу, ты обязан решать сам. Как оказалось, даже в Западной Европе большинство молодежи постаралось избежать подобной ответственности. Впрочем, о появлении так называемого «массового человека» еще в 20-х годах XX века предупреждал Ортега-и-Гассет: «В массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе. Естественно, она и не помышляет о духе, и новые поколения, желая править миром, смотрят на него как на первозданный рай, где нет ни давних следов, ни давних проблем. <...> Если этот человеческий тип будет по-прежнему хозяйничать в Европе и право решать останется за ним, то не пройдет и тридцати лет, как наш континент одичает. Наши правовые и технические достижения исчезнут с той же легкостью, с какой не раз исчезали секреты мастерства». Было бы ошибкой полагать, что в других европейских странах молодежь живет более возвышенной жизнью, нежели в пределах бывшего СССР. Будь это так, в лоне западноевропейской культуры не возникли бы субкультуры молодежного типа, в корне отрицающие многие фундаментальные европейские ценности. Думается, что логика развития европейской культуры закономерно породила это явление, имеющее сейчас глобальное распространение. Восточная Европа тоже не осталась в стороне. Где-то в 60-х годах началось спонтанное проникновение молодежных субкультур в СССР (сначала в Прибалтику, Москву и Ленинград). Этого проникновения не могли остановить даже правоохранительные органы, действовавшие весьма усердно. Восприимчивость советской молодежи к воздействию вышеупомянутых субкультур наводит мысль о единстве культурного пространства всей Европы. Поэтому попытки русских самобытников найти некий особый «русский путь» наверняка окажутся бесплодными.

Полифоничность европейской культурной жизни развилась относительно недавно. В течение примерно тысячи лет в Западной Европе прочно держалась феодальная культура. Подавляющее большинство европейцев жило в деревнях, утопая в невежестве (образно говоря) и в грязи (буквально). Капитальными строениями были только замки либо церковные постройки.

Власть находилась в руках феодалов и католической церкви. Последняя, сумев пережить гибель римской императорской администрации, завоевала в период безвременья (до создания империи Карла Великого) исключительное политическое, экономическое и духовное положение в Европе. Достаточно сказать, что лишь священники в то время умели читать и писать. Именно монастыри являлись единственным средоточием европейской духовной жизни в то время, так как городов в современном понимании попросту не было.

Настоящая светская интеллигенция появилась в Европе лишь в XV-XVIII веках (кстати, во все не в нордических странах). Однако многие стереотипы средневековой культуры не изжиты и теперь. К примеру, идея о первенствующем значении морали для духовной жизни. Или утверждение о том, что земная жизнь есть не более чем ступень, ведущая к жизни вечной. В своё время античные традиции в течение целого тысячелетия продолжали существовать в виде вкраплений в культуре Византии. Теперь же осколки средневекового мироощущения торчат из современной нам европейской культуры. С этим ничего не поделаешь: любая культура прочно удерживает и воспроизводит многие стереотипы, в том числе и те, что давно стали архаичными. Правда, сейчас в духовной жизни за считанные десятилетия происходят такие трансформации, на которые ранее уходили века. И далеко не все это способны понять. Даже сегодня мало кто по-настоящему сознаёт, какие поразительные изменения претерпела европейская духовность за последние два века. Средневековый тип культуры, продержавшийся около тысячелетия (где-то с VI по XVI век), за двести лет полностью рассыпался.

Первое внятное предупреждение о сложности новой европейской культуры поступило от французской интеллигенции XVII-XVIII веков. Утонченные и образованные вольнодумцы утверждали абсолютную духовную свободу каждого человека от любых правил, ограничений и обязанностей. Они высказали эти взгляды по-французски: в изящной литературной форме, выказав при этом богатую эрудицию, незаурядное литературное дарование и поразительную беспристрастность к соображениям морали. И это было знаменательно: в Европе впервые за несколько веков появилась целая социальная группа людей, способных высказывать подобные взгляды, не подвергаясь репрессиям со стороны церковных и светских властей. Доводы энциклопедистов в пользу рационализма вызывали восхищение и желание им следовать. Устранить вопиющие несуразности нашей жизни, организовать её разумным (конечно же, наилучшим) образом – может ли быть что-либо лучше!

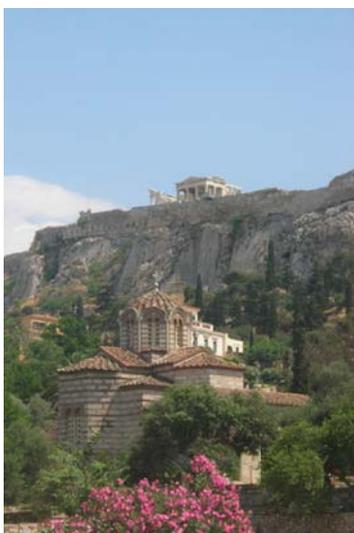

верждали абсолютную духовную свободу каждого человека от любых правил, ограничений и обязанностей. Они высказали эти взгляды по-французски: в изящной литературной форме, выказав при этом богатую эрудицию, незаурядное литературное дарование и поразительную беспристрастность к соображениям морали. И это было знаменательно: в Европе впервые за несколько веков появилась целая социальная группа людей, способных высказывать подобные взгляды, не подвергаясь репрессиям со стороны церковных и светских властей. Доводы энциклопедистов в пользу рационализма вызывали вос-

хищение и желание им следовать. Устранить вопиющие несуразности нашей жизни, организовать её разумным (конечно же, наилучшим) образом – может ли быть что-либо лучше!

Тем не менее попытка отвергнуть религиозные догмы и построить царство разума не увенчалась успехом. Похоже, что лишь один человек среди мыслящих французов того времени знал причину этого неуспеха. Среди поражающего изобилия литературы той эпохи ярко выделяются произведения маркиза Донасьена де Сада. Он поставил своего рода эксперимент. Суть его состояла в следующем: попытаться средствами литературы, в воображаемом литературном мире логически обосновать правомочность любых преступлений против личности. Обосновать доводами разума право человека на личную свободу, на счастье – это прекрасно. А вот можно ли обосновать доводами рассудка преступление? Можно ли использовать такое остро отточенное оружие, как логика, не с гуманной, а с преступной целью? Не окажется ли, что можно найти оправдание для любого преступления, для любой гнусности? Так ли уж надежен фундамент, на коем строится духовность новой эпохи? Не есть ли разум обоюдоострое оружие? «Всякое обоснование морали является по необходимости софистическим» (Ницше).

Как и следовало ожидать, произведения де Сада не были поняты. Они вызвали взрыв возмущения непристойностью автора. Только что отгремели бури Великой французской революции, наполнившей по всей стране бездонные ямы телами жертв гильотины; в течение ближайших полутора веков Европу ждали две мировые войны. И вот единственного человека, указавшего на возможность подобных ужасных потрясений в будущем, обвинили в безнравственности и в помешательстве. Между тем именно де Сад обнаружил, что развитие европейской культуры не подчиняется закономерности прямолинейного прогресса. Фантастическая идея прогресса, взятая на вооружение средневековыми теологами, выглядит на первый взгляд убедительно. Античность, как тип культуры, совершеннее пещерной эпохи. Средневековая христианская цивилизация, по мнению церковников, ближе античности к идеалу, к тому «граду небесному», о котором писал еще Августин. Идея о том, что можно и должно полностью переустроить нашу земную несовершенную жизнь по образу и подобию жизни чаемой, созданной в воображении, унаследована христианством от иудаизма. Только народ, живущий на протяжении веков в суровых условиях Месопотамии и Палестины, постоянно притесняемый

всеми более сильными соседями, способен был отвернуться от радостей реальной жизни и искать спасения в области фантазии. Земная жизнь древних иудеев действительно была тяжелой и неприглядной: жаркая, засушливая полупустыня, постоянная нехватка воды, эпидемии и голод. В этих условиях в лучшее будущее очень легко было поверить. Но, столкнувшись с греками и римлянами, иудеи и христиане оказались в большом затруднении. Как проигнорировать очарование Эгеиды, Пелопоннеса и Сицилии? Что делать с блестящей, неотразимо притягательной средиземноморской культурой? Неужели

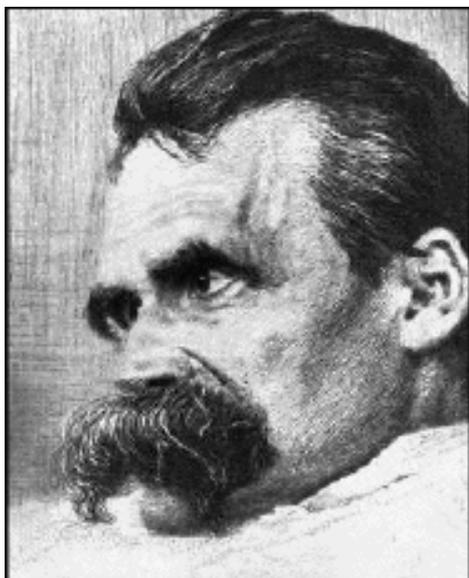
это великолепие, этот поразительный сверхизбыток человеческого гения ни в чем не уступают верованиям и обычаям необразованных галилеян? И вот единым, так сказать, росчерком пера была перечеркнута ценность всех культурных достижений, не служащих идее жизнеотрицания. Как говорится, "не любите мира, ни того, что в мире". Многовековая история культуры, все ее падения и высочайшие взлеты объявлены были не более чем иллюзией, прахом и фальшивкой по сравнению с будущей счастливой вечной жизнью. Каждое поколение своими делами приближает долгожданный земной рай, и выглядит эта доктрина привлекательно. Единственная достойная цель живущих ныне – приблизить наступление райской эпохи на Земле, что может быть прекраснее! Однако обещанного рая почему-то нет и нет. Его обретение отодвигается всё далее в будущее. Тем самым вся наша сегодняшняя земная жизнь оказывается неудавшейся подготовкой к этому радостному событию. Его напряженное ожидание делает нас слепыми к жизни здесь и теперь.

Христианство вряд ли сможет избавиться когда-либо от этой идеи. Тем не менее христианские мыслители буквально с первых шагов остро почувствовали, что их обещания счастья в будущем обрекают паству на роль пассажиров, сидящих всю жизнь на чемоданах в ожидании поезда, который, похоже, никогда не приедет, поскольку его вообще не существует. Что оставалось делать пастырям, когда рядовые христиане начинали замечать, что земная жизнь пролетает мимо и что она-то и есть единственно подлинная жизнь? Заявить, что земные радости греховны, что любовь к земной жизни неизбежно будет наказана, что каждый человек ничтожен и греховен уже потому, что зачат в радости и родился во плоти. Конечно же, запугать человека, сознающего собственное достоинство, трудно. Поэтому грешнику, не признающему своей греховности, уготовано не блаженство, а тяжкие муки, причем вечные, чтобы другим неповадно было. По крайней мере, священники многократно и с удовольствием об этом заявляли.

Именно эта устрашительная сторона христианства вызывала наибольшее неприятие среди людей образованных и мыслящих. Французские интеллектуалы XVIII века полагали, что их миссия состоит в том, чтобы исправить путь развития европейской цивилизации, избавив её от гнета христианских предрассудков. И тогда можно ожидать дальнейшего развития культуры, прекращения войн и эпидемий, всеобщего равенства и братства людей. Нужно всего лишь создать надлежащие условия – и человеческая природа сама будет свободно развиваться в сторону усовершенствования. К сожалению, многие до сих пор боятся думать иначе. «Заблуждение (вера в идеалы) не есть слепота, заблуждение есть трусость» (Ницше). А на практике оказалось, что ни о какой прямолинейности и даже о прогрессе говорить не приходится. Выяснилось, что ан-

тичность во многом была выше средневековья (по крайней мере западноевропейского), а Новое Время чревато глобальными конфликтами и бедствиями, вплоть до мировых войн и пандемий. Улучшение жизненных условий отнюдь не способствует облагораживанию человеческой природы. Реальная жизнь всегда будет сугубо земной со всеми сопутствующими невзгодами и несчастьями. И теперь мы уже знаем, что тотального поступательного прогресса ждать не придется. Мы по-прежнему стоим лицом к лицу с Жизнью, как стояли на заре цивилизации.

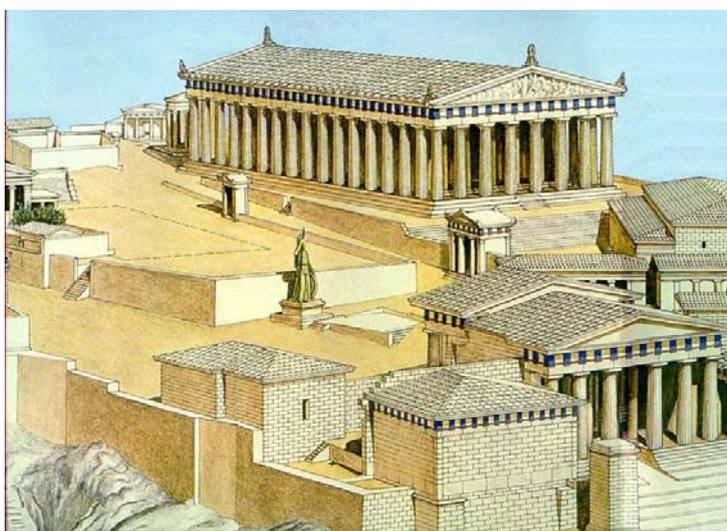

В последней четверти XIX века эта идея была высказана снова. Это сделал один талантливый молодой профессор классической филологии. Изучая феномен греческой трагедии, он обнаружил, что развитие искусства в Древней Греции находится под влиянием неких божественных сил, не изменивших своей природы и своего значения в наши дни. Перерождение классической трагедии Софокла в психологическую трагедию Эврипида – процесс той же природы, что и превращение музыки, скажем, Моцарта в музыку Бетховена. Таким образом, искусство прошлых эпох есть некое магическое зеркало. И в этом зеркале мы способны, быть может, ясно увидеть и собственную историческую эпоху. В нынешнем упадке веры в прежние ценности мы можем прозреть повторение эллинистического скептицизма. Происходящее сейчас повторяет бывшее ранее. Достижения культуры прошлых эпох имеют не музейное, а жизненно важное значение для нас, ныне живущих. Мы снова и снова возвращаемся к началу, снова и снова проживаем жизнь так же, как и много веков тому назад. Прогресс есть фикция, человек есть по существу зверь, в лучшем случае – благородный зверь. И большинство этих зверей настолько животные, что не способны управиться сами с собой. Только немногие, наделенные наиболее благородными свойствами, действительно способны быть творцами искусства, возникшими культуры и вождями народов. Народы, в сущности, и живут ради того, чтобы время от времени порождать таких вот редких благородных зверей. Все прочие не более чем питательная почва для них. Люди не равны и не должны быть равны. И это справедливо. В свое время радикальная афинская демократия быстро разрушила все достижения предыдущего аристократического строя. Неужели после этого нужно снова повторять те же ошибки, пытаясь утвердить всеобщее равенство в современной Европе?

И снова, как и в случае де Сада, никто ничего не понял. Человеческое стадо подняло визг и рёв. Взгляды этого человека были карикатурно искажены; его посмертная память была, как сказал Бердяев, оскорблена популярностью в толпе, а чистое имя его – имя Фридриха Ницше – облито таким количеством грязи, какого никто еще не достаивался. «Нам никогда не возместить

несправедливости, выпавшей на его долю» (Камю). И лишь через полвека наиболее прозорливые умы Европы смогли по достоинству оценить пугающую точность исторических прогнозов Ницше. Только тогда стало ясно, что Фридрих Ницше был не растлителем и не отравителем, а просто открыто назвал недуг, поразивший Европу. Нельзя казнить врача, поставившего верный диагноз, даже если речь идет о смертельной болезни.

К счастью, некоторые догадки Ницше о сущности античной культуры не были забыты. Их ценность оценили по достоинству во второй половине XX века, когда наконец-то стал возможен подлинно научный анализ античности. Вначале, как известно, античная культура воспринималась как пройденный этап, во всем превзойденный культурой христианской. Позднее, в эпоху де Сада, интерес к античности носил сентиментально-познавательный характер. Пухлые румяные Амуры, кокетливые Венеры были по сути явлением культуры XVIII века. Работы Винкельмана явились, пожалуй, первой попыткой по-настоящему понять античную культуру. Однако и вин-

кельмановская Греция весьма далека от реального прототипа. Достаточно сказать, к примеру, что все греческие храмы и скульптуры были раскрашены, о чем во время Винкельмана не догадывались. Многие черты греческой культуры, неприемлемые для позднейших исследователей, тогда попросту игнорировались. Образ античной культуры получался при этом какой-то причесанный.

И вот облику античной культуры, восстановленной усилиями таких филологов, как Лосев, оказались присущи весьма интересные черты. Обнаружилось, что в восприятии мира древние греки во многом близки к нам, ныне живущим. Выяснилось, что за прошедшие века человеческая природа совершенно не изменилась. Человек изначально не праведен и не греховен. Тело есть порождение космоса и в силу этого прекрасно, поскольку космос есть божество, прекрасное и совершенное. Утверждения средневековых писателей, что тело есть нечто нечистое, не внушены богами, а выдуманы людьми, причем низкими и грязными. В общем, детальный анализ античной культуры показал, что она не исчезла бесследно; желания и мысли давно живших людей продолжают жить в нас. Всё повторяется снова и снова. И эта нерасторжимая связь поколений связывает воедино разные исторические эпохи.

Несколько лет назад на семинаре по европейской истории, посвященном, кажется, памяти М. Блока, было прямо высказано следующее утверждение: в Европе наконец-то построена безрелигиозная цивилизация. Причем этот факт оценивался не как катастрофа, а как нормальный

закономерный итог многовекового развития, приведшего к освобождению европейской духовности от руководства со стороны христианской церкви. Тело оказывается не менее чистым и святым, нежели дух. Добропорядочность поведения отнюдь не свидетельствует о высокой духовности. Человек имеет право на личную свободу в своих мыслях, словах и поступках. В страданиях и слезах нет ничего прекрасного, хотя они действительно способны преобразить душу. И, наконец, земная жизнь здесь и теперь заслуживает того, чтобы её любить и ею наслаждаться. «Друзья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тому, кто говорит вам о надземных надеждах! Они отравители, всё равно, сознают ли они это или нет» (Ницше). Причиной душевных страданий зачастую является не испорченность человеческой природы, а тесная узда, надетая на человека лицемерными моралистами.

Секуляризация. Подобный процесс начинается в обществе, в котором религиозные идеи утратили свою социальную значимость. На смену им приходят иные идеи и ценности, а религия сохраняет значение для верующих индивидов и остается в качестве устава религиозных организаций. Все происходит именно в такой последовательности: сначала изменения в духовной жизни общества, а затем высвобождение от власти церкви. Впрочем, священники всегда утверждали и будут утверждать обратное: выход из-под отеческой опеки церкви, по их словам, и привел к вольнодумству и плачевному падению нравов.

При этом католическая церковь готова на любые реформы обрядности, лишь бы сохранить влияние в обществе, а церкви православные упорно хранят верность традициям, превращаясь из-за своей твердолобости в неких бронтозавров. В результате католическая церковь трансформируется в светскую политическую силу, а православие

в обществе больше, чем в православном. Такова дилемма, перед которой оказывается дух в наше время: либо развитие и безрелигиозность, либо религиозность и застой.

Современная европейская религиозность. Массовые верования наших дней многообразны. Многие европейцы пытаются оставаться в чем-то христианами, но скорее по инерции, нежели по зову души. Теологические тонкости, служившие причинами ожесточенных церковных диспутов, сегодня никому не интересны. Жители средиземноморских стран давно перестали считаться с требованиями морали и поступают, как им хочется. Один журналист назвал Париж «монастырем, в котором все совокупляются». Католическими остаются лишь лежащие на европейской периферии Польша, Ирландия и Мальта. Итальянцы гордятся тем, что в Риме находят

ся Ватикан, но герои и героини фильмов Феллини и Пазолини благочестием как-то не страдают. Что же касается протестантизма, то он, как и прежде, несводим к единому знаменателю, и каждый вправе толковать Библию как угодно – буквально, символически, аллегорически, мифологически и т.п. Временами кажется, что современным европейцам совершенно всё равно, во что и в кого верить. Они зачастую вступают в нехристианские религиозные братства и секты лишь по причине экзотичной притягательности незнакомых верований. Подобное поведение является по существу симптомом страха перед неограниченной духовной свободой, непосильной для обычного человека. Нетрадиционная религиозная активность есть проявление желания переложить ответственность перед собственной жизнью на кого-то иного (Далай-Ламу, Шри Раджниша, Свами Вивекананду и т.д.). Очень приятно верить, что достаточно лишь найти учение, содержащее готовые ответы на все главные вопросы бытия и готовые правила поведения. Однако подобное решение, будучи типичным для европейцев в массе, является суррогатным и никого не удовлетворяет.

Мораль в повседневной жизни. В качестве христианского наследия нам досталась идея о первостепенной важности праведных поступков. Количество и содержание этих поступков каждый воспитатель, похоже, определяет сам. Нужно перед сном читать «Отче наш», или подавать милостыню нищим, или переходить улицу на зеленый свет, или учиться только на «отлично», или не есть много сладостей за обедом – это можно продолжать до бесконечности. В подобном подходе подразумевается, что праведных поступков достаточно для полноценной духовной жизни. Можно в этом, пожалуй, увидеть намек на то, что полноценная духовная жизнь подобными поступками и ограничивается. Стало быть, следует лишь совершать всяческие добрые дела, и ничего более. Культурный уровень сам собой вырастет как на дрожжах. Это успокаивающее обещание хорошо для людей ограниченных и невежественных. Человек мыслящий и чувствующий сразу же почует недоброкачество подобной доктрины и отбросит ее.

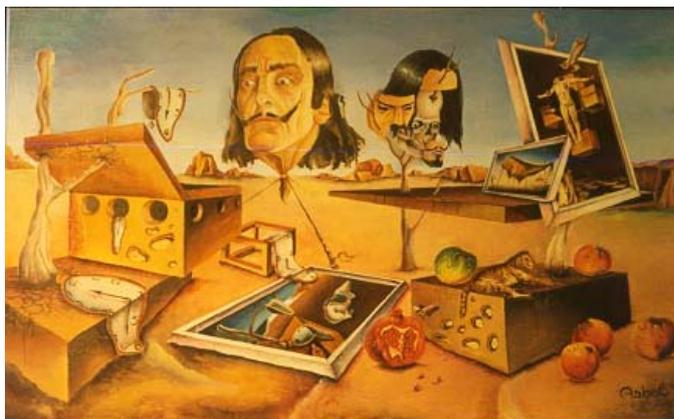

Впрочем, желание внушить некий моральный кодекс проявляется у большинства современных педагогов, будь то родители, учителя или надзиратели детдомов. Это – наследие христианской эпохи. И вроде бы затею эту можно признать благой, если бы не одно соображение. Какова может быть реакция воспитателей, обнаруживших неповиновение воспитуемого? Как правило, неподчинение воспринимается как результат недостаточно усердного воспитательного воздействия. Следовательно, воздействие необходимо усилить: больше требовать, внимательнее контролировать и строже наказывать. На практике это приводит, разумеется, к протесту со стороны ребенка. Этот протест воспринимается моралистами не как симптом, указывающий на ошибочность их подхода к воспитанию, а как следствие мо-

ральной испорченности объекта воспитания. Значит, для перевоспитания непослушного ребенка было приложено недостаточно усилий. Надо срочно исправлять положение, чтобы любимое чадо не стало тунеядцем, алкоголиком или (в случае дочери) девицей сомнительного поведения. После посещения в начале XX века выставки эротической живописи британский премьер-министр печально сказал: «И вот чистые юноши и девушки, увидев это, пойдут и вступят в половые сношения!» Как иронично заметил по этому поводу Лоуренс, уж лучше бы они убивали друг друга или доводили до нервной прострации. Почему же вместо простого прогресса городской культуры мы видим ее усложнение и даже временами несомненные кризисы?

Бурный рост европейской городской культуры сделал ее блестящим, но чрезвычайно сложным феноменом. Не следует, впрочем, считать, будто переживаемый нами духовный кризис – предвестник гибели культуры. В конце концов, многие женщины умирают при родах, но иного способа размножения не существует. Если окинуть взглядом историю европейской мысли за последние две с половиной тысячи лет, обнаружится обнадеживающая картина. Духовная культура в течение этого периода никогда не стояла на месте, и преемственность ее развития не прерывалась. Когда, к примеру, гибла римская цивилизация, Византия переживала подъем. Агония Византии совпала по времени с началом западноевропейского Возрождения. Более того, одним из стимулов Возрождения были, как известно, личные контакты византийской интеллигенции с итальянской. Достаточно вспомнить деятельность Плифона, в особенности его «Законы» и знаменитое выступление на Флорентийском соборе. В новое и новейшее время бурное порождение все новых и новых памятников культуры несомненно. Даже современная молодежь при всей своей глупости и невежестве порождает всё новые субкультуры, предполагающие некие высшие ценности.

Душа современного человека. Нельзя, впрочем, игнорировать дисгармоничность жизни европейского духа наших дней. Прежние нормы поведения яростно отрицаются или (что еще важнее) спокойно игнорируются. Строя и созвучья, говоря словами Тютчева, в душах наших мыслящих современников нет. Они пытаются вызвать перед мысленным взором образы Венеры Милосской и Джоконды, а память, словно в насмешку, пропускает эти образы через руки Сальвадора Дали. Кто в наше время видит простые, ясные по форме сны с безмятежным содержанием? Дисгармоничность души современного человека есть не только простой отклик на внешние неурядицы. Она охватывает даже вполне обеспеченных людей. Уверенность в материальном достатке отнюдь не гарантирует душевного спокойствия. Источ-

ником дисгармонии конца века является сама душа. Точнее – яростное столкновение повседневного сознания и древних глубинных слоев психики.

В эпохи стабильности и материального благополучия активность подсознания почти не заметна. Когда же привычный уклад жизни нарушен, когда прежние ценности девальвированы, мы в полной мере осознаём, сколь хрупка и иллюзорна человеческая оболочка, скрывающая нашу природную сущность. Максимилиан Волошин после общения с творческой интеллигенцией Москвы и Петербурга в начале XX века писал: «Ощущение, как после разврата и кутежа». В какие только эксцессы не впадали эти утонченные и талантливые люди – пьянство и наркомания, оккультизм и спиритизм, все мыслимые и немыслимые формы половой жизни с кем и как попало! Легкая ненормальность психики, похоже, была вообще нормой. Причина же этого проста. Перемирие сознательной частью души и ее темными древними глубинами оказалось нарушенным. Зверь взбунтовался. Так лошадь, закусившая удила, вдребезги разносит всадника.

Зверь, сидящий в человеке. Зловещее высказывание идеологов Третьего рейха "Человек есть хищный зверь" оказалось ближе к истине, чем хотелось бы. Проблема в том, чтобы найти с этим зверем общий язык. В том, чтобы проявления активности подсознания имели социально приемлемую форму, не заканчиваясь преступлениями. То, что с этими загадочными глубинами нашей души необходимо вести диалог (пусть и не в словесной форме), многим всё еще кажется невозможным и неприемлемым. Боязливая брезгливость в отношении собственного неприличного и необузданного подсознания не изжита и по сей день. На это можно ответить следующее: убийство зверя в человеке есть убийство человека. Викторианская эпоха в старой доброй Англии характеризовалась строжайшей моралью и дикими эксцессами в интимной жизни англичан. И что же? Удалось ли искоренить подсознание из души? С равным успехом мы могли бы стыдиться собственного кровообращения и пытаться его искоренить. Можно, конечно, объявить проблему взаимодействия с подсознанием несущественной. В таком случае выпустите Чикатило и Оноприенко на свободу, коль скоро их поступки не создают проблем для общества.

Аполлон и Дионис. В сущности, мы только теперь можем по достоинству оценить глубину и современность прозрения Ницше об аполлоническом и дионисическом началах в культуре и в человеческой душе. Аполлон, как солнечный бог – покровитель музыки и вообще искусства, приносит с собой порядок и гармонию. Знаменитый храм в Дельфах воздвигнут, как известно, над зарытым в землю трупом хтонического змея Пифона, убитого Аполлоном. Сюда, под защиту бога-стреловержца, прибегает измученный Эриниями Орест. И страшные призраки, терзаю-

щие душу матереубийцы, бессильны перед сияющим ликом Аполлона. Порядок и закон, сияние солнца в небе, мерный шум морских волн, звуки кифары, очищающие смятенную душу, избавление от наваждений – всё это ассоциировалось у древних греков с именем Аполлона.

Но наступала ночь. И в ночи звучали оргиастические флейты. Из лесных чащоб появлялась процессия пьяных сатиров. Впереди ехал на осле пузатый Силен с винным бурдюком. По бокам осла скакали сатиры и дудели в ужасные дудки, отвергнутые некогда Афиной и подобранные Марсием. Позади бежали неистовые вакханки в звериных шкурах и потрясали тирсами. А в центре всей этой безумной процессии на пантере ехал юный красивый бог, увенчанный плющом и виноградом. Тот, кто был причиной этому празднику – Дионис. Исступленные пляски заканчивались страшными припадками, повергающими душу в глубокий сон, подобный смерти. Неистовый экстаз оказывал катарсическое действие. Позднее Аристотель назвал катарсис, порождаемый созерцанием трагического действия, одним из главных достоинств искусства, посвященного Дионису. «Неистовство разрешалось в молитвах богам и служении им, и человек, охваченный им, удостоивался очищения и посвящения в таинства, становясь неприкосновенным на все времена для окружающих зол, освобождение от которых доставалось подлинно неистовым и одержимым» (Платон).

Вот так и жила душа античного эллина, как порождение двух начал, как результат неразрывного противоборства двух богов – дневного Аполлона и ночного Диониса. Сознание наслаждалось порядком и гармонией, а темные глубины души откликались на вакхические мелодии. Те же, кто боялся этих безумных устремлений души, наказывались не временным божественным безумием на время дионисийских празднеств, а самым настоящим сумасшествием в полную силу. Брезгливые ханжи, кичившиеся своей трезвостью и целомудрием, начисто лишались рассудка. Они убегали из дому в горы и леса, и лишь некоторых из них, как повествует Аполлодор в «Мифологической библиотеке», удавалось излечить.

Специфика России. Восточная Европа, в частности Россия и окраины, во многом отличается от западноевропейских стран. Для России характерны острейшие противоречия общественной жизни. С одной стороны, Москва и Петербург являются культурными центрами мирового значения. Попытка большевиков полностью изолировать Россию от современных веяний европейской культуры окончилась, к счастью, ничем. В то же время большинство жителей провинции

обитает в настолько диких условиях, что быт столичных жителей (весьма скромный по европейским меркам) вызывает у прочих зависть и неприязнь. Деревня остается во многом неким реликтом феодальной эпохи, всегда склонным к натурализации хозяйства, обрекающей города на голод. Именно в России острее, чем где бы то ни было в Европе, ощущается глубочайший разрыв между городом и деревней. Разрыв этот приводит к двум последствиям. Во-первых, массовое сознание российских жителей более консервативно и провинциально, нежели в Западной Европе. Там давно избавились от иллюзий относительно христианства и американизма; у нас же народ исправно целует батюшкам руки, а многие охотно поцеловали бы Дядю Сэма в другое место. Во-вторых, те немногие мыслители, которые живут и работают в России, самими условиями вынуждены острее мыслить и зорче глядеть, нежели западноевропейские бюргеры и буржуа. Достаточно назвать хотя бы Виктора Пелевина. В свое время об этом предупреждал Ходасевич: народ российский побивает и будет побивать камнями своих лучших писателей именно потому, что они писатели, что они – нечто большее, нежели просто Ваньки, Петьки и прочие люди из народа. В условиях темноты, звериного быта и беспросветной жизни слова человека мыслящего принимают огромное, поистине пророческое значение. Эта нелепая, отсталая, бесплодная и всё-таки неисчерпаемо талантливая страна либо губит и разменивает по мелочам свои лучшие начинания, либо возносит их на огромную высоту. Видимо, так будет и в дальнейшем: бездушная черствость русского народа будет сочетаться с детской верой в чудо, творимое духом. Ни в одной из европейских стран не предпринимались такие фанатичные попытки очернить прошлое и перевернуть настоящее во имя будущего. Нигде в таких масштабах не строили счастливое будущее ради народа, используя этот самый народ в качестве строительного материала, топлива и удобрения. И в то же время ни в одной стране мира культура не знает, пожалуй, таких блестящих достижений в таких нечеловеческих условиях. Даже в тоталитарную эпоху, даже во времена Сталина наука и искусство России продолжали творить, причем временами буквально из ничего, подобно китайскому фокуснику. Убого выглядят лишь социальные науки советского периода.

Кризис советской морали. Что касается ортодоксальной педагогики, то от этой системы так называемого «воспитания» избавиться нужно было бы давно. Жаль, что советскими детишками не занялась Инесса Арманд! Было бы намного веселее. Убогие перепевы отрывочных высказываний супруги старика Крупского в принципе не могли развиваться в жизнеспособную систему воспитания молодежи даже при наличии талантливых учеников. Подобным взглядам место разве что в некой кунсткамере идей, в банке с надписью «Уродливые детища человеческой мысли». На заре советской власти образование и

воспитание строилось в расчете на пролетариев и крестьян, наделенных культурой и знаниями на уровне Киевской Руси. К тому же в условиях разрухи о среднем (и тем более о высшем) образовании нечего было и думать. Тогда требовалось иное: как можно скорее обучить всех азам ремесел, жизненно необходимых для народного хозяйства. Трехмесячные командирские курсы, шестимесячные курсы лекций в литстудии Пролеткульта – всё это оттуда, из обстановки 1918-1920 годов. Побольше и поскорее – только и всего. И на протяжении многих лет эта исходная методологическая установка сохранялась неизменной. Прошло несколько поколений, мировой войны против Страны Советов не предвидится, а методы и приемы работы с подрастающим поколением по-прежнему рассчитаны на каких-то берендеев. Нельзя было даже и подумать о том, что дети от природы наделены неодинаковыми способностями и склонностями. Поэтому хуже всего в советской средней школе приходилось талантливым детям. Они были вынуждены терпеливо ждать на уроках, пока учитель закончит свое объяснение какой-нибудь прописной истины, рассчитанное порой на страдающих болезнью Дауна. Из-за этого расчета на среднего школьника учебные и воспитательные программы в советское время были скучными, малосодержательными, а во многом и вообще достойными лишь осмеяния. Скажем, лозунг "Пионер – всем детям пример!". В двадцатые годы, когда невежественные голодные детишки не хотели ни учиться, ни поступать в пионеры, это еще как-то звучало. Но кто воспримет всерьез подобные фразы через семьдесят лет, когда абсолютно все дети – пионеры, все поголовно учатся в школе, все несут общественную нагрузку? Кстати, подобный неосознанный расчет на дикарей или дебилов царил не только в школьной педагогике. Достаточно вспомнить политработу в армии. В какой советской воинской части не было огромных плакатов наподобие: «Служи по уставу – завоеешь честь и славу!». Подобные воззвания времен маршала Ворошилова в наше время у глухих солдат вызывали смех, у неглупых – иронию.

Можно, пожалуй, пойти дальше и утверждать, что принципам и нормам коммунистической морали в советском обществе не следовал никто: простой народ безбожно дул водку и дубасил домочадцев; интеллигенция выживала на нищенское жалованье и пережевывала те крохи самиздата, которые удавалось раздобыть; высшие эшелоны власти стремились жить так же, как и капиталисты. А дети смотрели на всё это и как-то росли сами по себе. Полное расхождение между тем, чему учили педагоги и замполиты, и тем, что реально происходило в жизни, – пожалуй, наилучшая вакцинация против коммунистического воспитания. Поэтому при каждой встрече с этими почтенными принципами вспоминается непереносимая скука пионерских линеек, комсомольских собраний и тому подобная чепуха. Никто этим уже не вдохновится. Будущее за ценностями общемирового происхождения и масштаба.

Постсоветская христианизация. Преследования, которым подвергались христиане (как миряне, так и священники) в советскую эпоху, послужили причиной симпатий как к людям, испо-

ведущим христианство, так и к учению в целом. В сущности, здесь в очередной раз проявился обычный механизм умозаключения, присущий массовому сознанию: поскольку коммунисты, преследующие христиан, безнравственны, то преследуемое христианство нравственно. Почти никому в голову не пришло, что христианское вероучение может быть не менее тлетворным, чем идеи Ленина. Мало кто задумался над тем, что финансовый и социальный успех христианской церкви как общественной организации никак не подтверждает истинности христианского учения. Домашние овцы тугоухи и страдают врожденной близорукостью. Это – следствие многовековой привычки к стадной жизни. Овечье стадо умеет лишь бездумно идти за любым, кого примет за своего вожака. Этим пользуются на скотобойнях, где имеются специальные козлы (они намного умнее баранов). Такого козла ставят во главе овечьего стада, предназначенного на убой. И один козел заводит все огромное стадо прямо в забойный цех, после чего возвращается в свое личное стойло в ожидании следующего стада. Говорят, никто из овец ни разу не засомневался в этом «добром пастыре».

Сам подход христианства к человеку по сути своей порочен. Жесткая и бесчеловечная система заповедей, строгий контроль их соблюдения, страдания разными наказаниями за неправомерные поступки – всё это никак не соответствует той человечности, о которой так любят говорить священники. Содержание христианских добродетелей может сохранить свое значение; их форма всех отталкивает. Большинство молодежи, посещающей христианские храмы, рассматривает религиозные обряды лишь как коммерческую сделку с Христом.

Американский меркантилизм. Можно, впрочем, отказаться от духовной жизни вообще, объявив единственной подлинной культурной ценностью материальный достаток. Так поступают, например, в США. Суррогат культуры там есть; некоторые американцы даже любят слушать псевдоклассическую музыку Бернштейна и Гершвина. Но главное – успех. Большой дом, большая машина (а еще лучше несколько), большая яхта, большая семья, молодая любовница, но самое, конечно же, главное – большое количество денег. Есть деньги – жизнь счастлива, нет денег – ты неудачник, и твоя любимая девушка уже едет в машине какого-нибудь преуспевающего парня. Это поистине культ меркантильного успеха. Выглядит американская мечта просто и даже в чем-то привлекательно, но в ней нет и не может быть места высокой культуре. Это – инструкция по откорму свинопоголовья, некий духовный общепит, для коего «МакДональдс» – ресторан, а не забегаловка. Мы, если будем очень стараться усвоить ценности американского образа жизни, тоже станем свинопоголовьем, только тощим от бедности. Будет ли это состояние души достаточной компенсацией за отказ от высоких духовных ценностей – неизвестно.

2. Мегалополис.

Необратимость. В городах прошлых эпох ритм жизни почти не отличался от деревенского. В городе Чаньане, столице китайской империи Тан, был заведен мудрый порядок. С наступлением сумерек городские ворота запирались; хождение по улицам в ночное время запрещалось. Нарушителей этого запрета городские

стражники хватали и волокли в тюрьму. Законопослушные горожане могли мирно спать всю ночь и не опасаться, что их сон будет кем-то прерван. Когда же в Поднебесной воцарилась династия Сун, население столицы было уже более многочисленным. Далеко не все удовлетворялись мирным сном после трудов праведных. На всевозможнейшие услуги в ночное время появился стойкий спрос. Жизнь в Чаньане изменилась до неузнаваемости. Каждый вечер были открыты закусочные, театры кукол, публичные дома и прочие увеселительные заведения. Город более не знал покоя ни днем, ни ночью. И так и осталось во всех крупных городах по сей день. Такова среда существования национальных обществ.

Деревенская размеренность жизни в мегалополисе недостижима. Типичный горожанин с утра вскакивает, завтракает и исчезает из дому до вечера. Если только он не безработный, не в отпуске и не на каникулах, то вне дома он либо едет куда-то в переполненном транспорте, либо работает, либо учится. Вечером усталый раздраженный человек возвращается домой, где его ожидает обычный набор: ужин, телефонные разговоры, телевизор. Наконец, взвинченный каким-нибудь кинобоевиком горожанин укладывается спать (как правило, поздно), чтобы утром, толком не отдохнув за ночь, снова впрячься в свои дела. Остановиться негде, некогда и незачем. Классическая культура, достигнув к рубежу тысячелетий поразительного развития, привлекательна для ничтожно малого количества горожан. Очень многим она просто непонятна. Массовая культура мегалополиса рассчитана на вечно спешащего, поверхностно мыслящего потребителя. Зачастую она вообще порождает пустышки наподобие музыки «техно» или концептуальной живописи. Моды сменяют друг друга стремительно и безостановочно. То, что вчера было модным, сегодня уже забыто. Популярные ансамбли, еще вчера сводившие с ума миллионы поклонников, сегодня уже устаиваются званий «худшая группа года» и тому подобных. О качестве и тем более о профессионализме в популярном искусстве говорить не приходится. Человеческая масса, заполнившая мегалополис, с равнодушием и ненасытностью переваривает гения и

бездарность. Историческая и личная амнезия становится характерной чертой стиля жизни горожан. Это – поистине "фельетонная эпоха".

Безостановочность. В ритме жизни большого города нет и не может быть места паузе. О правильном чередовании праздников и будней, труда и отдыха нет и речи. День сменяет ночь, весна приходит на смену зиме, а колоссальное неорганическое тело мегаполиса не знает покоя. Оно сметает живой природный ландшафт, создавая взамен искусственную среду обитания. Рост мегаполиса необратим. Он разрастается подобно гигантскому полипу. Его творцы и обитатели вынуждены помимо своей воли приспосабливаться к жизни в порах и щелях этого гиганта, ломая свой нормальный жизненный уклад, превращая день в ночь и наоборот, сжигая свечу своей жизни с двух концов. Теперь уже не город приспосабливается к человеку, а человек прилагает отчаянные усилия, чтобы суметь выжить в этих условиях. И так год за годом, поколение за поколением. Это похоже на безостановочную езду на американских горках. Так живет подавляющее большинство жителей крупных городов. Те же, кто не считает себя трезвенниками, язвенниками и импотентами, разнообразят свою жизнь, делая ее еще более напряженной. Нервные срывы, алкоголизм, разводы и просто бытовые драмы, синдром хронической усталости – вот самые заметные результаты современного городского образа жизни. «Они жили как в лихорадке и не верили в будущее» (Гессе). В сущности, для большинства людей, живущих в городах, получить переутомление нервной системы – только вопрос времени и личной выносливости.

необратим. Он разрастается подобно гигантскому полипу. Его творцы и обитатели вынуждены помимо своей воли приспосабливаться к жизни в порах и щелях этого гиганта, ломая свой нормальный жизненный уклад, превращая день в ночь и наоборот, сжигая свечу своей жизни с двух концов. Теперь уже не город приспосабливается к человеку, а человек прилагает отчаянные усилия, чтобы суметь выжить в этих условиях. И так год за годом, поколение за поколением. Это похоже на безостановочную езду на американских горках. Так живет подавляющее большинство жителей крупных городов. Те же, кто не считает себя трезвенниками, язвенниками и импотентами, разнообразят свою жизнь, делая ее еще более напряженной. Нервные срывы, алкоголизм, разводы и просто бытовые драмы, синдром хронической усталости – вот самые заметные результаты современного городского образа жизни. «Они жили как в лихорадке и не верили в будущее» (Гессе). В сущности, для большинства людей, живущих в городах, получить переутомление нервной системы – только вопрос времени и личной выносливости.

3. Молодежная субкультура.

Молодежь в мегаполисе. Городские условия жизни породили новое, дотоле неизвестное явление – молодежный образ жизни. Традиционная культура знает сугубо молодежные обряды, например, купальские игрища, посиделки и т.п. Более того, в этих праздниках людям семейным (т.е. взрослым) вообще запрещалось участвовать. Но молодежная и «взрослая» (крестильная, свадебная) обрядности сосуществовали. Содержание молодежных праздников не составляло тайны для взрослых, и наоборот. Молодежная обрядность была неотъемлемой частью традиционного образа жизни.

Совершенно иначе обстоит дело в больших городах. «Взрослый» мир и молодежный мир взаимно отграничены. Поскольку большую часть времени члены одной городской семьи прово-

дят порознь, этого следовало ожидать. Ситуация, когда отец и сын вместе работали в поле, более повториться не может. В городе подросток больше времени общается со сверстниками, нежели с родителями. Молодежная среда порождает молодежную идеологию и соответствующий образ жизни. Подростково-молодежный городской мир закрыт для взрослых. Все молодежные неформальные группы имеют свои характерные черты, отграничивающие их от «взрослого» мира.

Основная духовная проблема современной молодежи. После того, как каждый убедился в гибели старой идеологии, процесс обретения целостного мировоззрения не может остановиться на полпути или пойти вспять. Теперь каждый человек вынужден (зачастую против воли) восстановить былую целостность и единство воззрений на мир и на свое в нем место. Эта проблема стоит перед всеми, независимо от возраста, профессии

или образования. Взрослый человек может попытаться приспособить старые взгляды к новой жизни. Юноша или девушка стоят перед необходимостью собственное мировоззрение выработать заново любой ценой. Несмотря на объективно существующую духовную свободу, представители молодежи имеют мало шансов самостоятельно решить эту задачу. Причиной этому являются их невежество и скудомыслие. Молодежь мегаполиса как раз и является людской массой в понимании Ортеги-и-Гассета. Предыдущие поколения стремились к каким-то целям, для достижения которых требовались труд, настойчивость, знания и навыки. Применительно к Европе достаточно вспомнить, чего ей стоили хотя бы две мировые войны, послевоенная разруха и научно-техническая революция. Наконец, люди прошлого осознавали свое несовершенство, и это было первым шагом на пути духовного роста. Ничего этого в наше время нет. Посредственность в некотором смысле совершенна: она не видит недостигнутых целей. А раз так, то стремиться не к чему – всё уже прекрасно таким, каким оно есть. Всё, что мешает безбедному, беззаботному существованию, есть не более чем досадная помеха, от которой всегда можно отмахнуться. Таково мировоззрение и образ жизни типичного представителя молодежи наших дней. С его точки зрения, например, праздники, составляющие смысл существования любой традиционной культуры – «прикольно», а временами даже «круто». Но не более того. Он никогда не задумается над тем фактом, что яркая и богатая обрядность народных праздников есть ответ человека прежней эпохи на лишения и опасности, присущие миру, в котором он жил. Ему невдомек, что это – попытка противостоять враждебному Космосу, окружавшему человека

прошлого. Мироззрение доиндустриальной эпохи позволяло человеку понять свое место в мире, где ему довелось родиться, жить и умереть. Несмотря на материальную скудость жизни, традиционную эпоху никак нельзя назвать бездуховной. Духовные ценности той эпохи, придававшие смысл человеческому существованию, были в то же время его необходимым условием.

Задача эта возникает на каждом повороте истории. Когда прежние ценности девальвировали и авторитеты подвергаются игнорированию, остается единственный выход – всё начать сначала. Вернуться к истокам, увидеть вечный лик космоса, его круговращение, и место частицы, именуемой человеком, в этом круговращении. Необходимо заново пережить смысл нашего бытия в этом мире.

Любая культурно-образовательная программа должна быть адаптирована к условиям места и исторического момента, в которых она реализуется. Национальные культуры смогут выжить в мегаполисах, если будут привлекательны для молодежи, живущей в них. Поэтому следует знать, что собой представляет молодежная социальная среда в наше время.

Происхождение и перспективы молодежных субкультур. Молодежные субкультуры возникают там и тогда, где и когда культура «взрослая» не совпадает с запросами молодежи. С этого момента молодежь отправляется в «самостоятельное плавание». Любой молодежный неформальный коллектив строит свой особый мир, со своими законами, своей моралью, своими духовными

(или псевдодуховными) ценностями, своими обычаями. Запретить молодежные коллективы невозможно; с ними не смогли справиться даже советские карающие органы. Правда, замкнутая, закрытая для взрослых молодежная среда смогла появиться и существовать лишь в больших городах. Именно поэтому развитие городской европейской культуры и образование молодежной субкультуры идут рука об руку. Число молодежных неформальных объединений в настоящее время, пожалуй, определить невозможно. В основе их идеологии всегда лежит идея несостоятельности традиционного «взрослого» образа жизни и мышления. Взамен предлагается нечто принципиально иное. Это может быть суррогат восточных учений о мире и человеке (хиппи, кришнаиты, дзен-буддисты), африканская система анимистической философии (Вуду) либо мифология, основанная на применении психотропных средств (последователи Кастанеды или растаманы). Наконец, существуют и молодежные группы, перерабатывающие примитивный слой культур больших городов (скинхеды, панки). Не анализируя подробно мироззрения молодежных субкультур, можно сказать следующее: они не стали магистральным направлением духовной жизни европейцев. Их программы, кажется, никогда не были корректно сформулированы.

Невежество и анархия молодежи привели к тому, что эти самобытные течения остались в области культурного андерграунда. Из их деятельности, впрочем, можно извлечь несколько уроков. Главный урок состоит в том, что в духовных поисках молодежь оказалась свободнее, нежели представители старших поколений. Молодежные течения всегда имеют собственную систему мировоззрения, причем зачастую в мифологической форме. На это обстоятельство, к сожалению, почти никто не обратил внимание. Между тем мировоззренческие искания происходят лишь в идеологически открытом обществе, лишенном общепринятого идейного базиса. Обращает на себя внимание притягательность необычных, экзотических элементов, во множестве вкрапленных во внешнюю атрибутику большинства молодежных неформальных объединений. Это могут быть специфические одежда, собственные имена, лексика, музыка и т.п. Коротко говоря, существование специфически молодежных коллективов указывает на то, что молодежь были предприняты стихийные попытки построить собственные альтернативные культуры, способные заменить традиционную европейскую культуру, не удовлетворяющую запросы молодежи.

Появление молодежных субкультур вызвано тем, что молодежь остро ощущает кризис традиционных духовных ценностей и вынуждена без поддержки родителей отчаянно искать выход из духовного тупика. Человеческий дух все-таки нельзя заменить никакими суррогатами. Поэтому есть основания полагать, что любые начинания, учитывающие духовные запросы современных юношей и девушек, упадут на благоприятную почву. И молодежь не виновата в том, что эти поиски не приводят к выходу. Даже многие совершеннолетние европейцы не догадываются о сложности культурно-исторического процесса и о том, что мы все в нем невольно участвуем. Поэтому опыт молодежных неформальных объединений в принципе можно использовать для приобщения молодежи к национальным культурным ценностям. Проблема состоит лишь в выборе привлекательной формы, в которую облекается содержание культурных ценностей.

Групповая этика. Жизнь членов любой неформальной молодежной группы есть игра. Групповая этика – правила этой игры. Они существуют во всех неформальных коллективах. Они могут быть более или менее строги, но без них не обходится ни один человеческий коллектив. Чтобы достичь цели, ради которой личность становится частью коллектива, ей необходимо следовать правилам, по которым коллектив живет. Нарушители этих правил в разных коллективах наказываются по-разному (от изгнания до смертной казни). Цель же всегда одна – сохранить существование коллектива как целого; создать желаемый для участников психологический климат и одновременно устранить из группы нарушителей порядка. Поведение, препятствующее задаче группы, тем самым бросающее вызов коллективу, всегда пресекается. Таковы принципы жизни любого коллектива. В качестве примера можно вспомнить Чингисхана и его «Ясу». Нака-

зания за некоторые проступки были определены весьма суровые. Но вступать ли в орду Чингисхана – это было вопросом свободного выбора для каждого монгола.

Вторая характерная черта молодежной ментальности – стремление к личной свободе. Каждый вправе самостоятельно выбирать круг общения, стиль жизни, интересы и ценности. Такое понятие как «ты должен», вообще вряд ли имеет право на существование во многих молодежных течениях. Правда, мало кто устоял перед соблазном отказаться от любых правил и обязанностей. К тому же почти никто не задумывается о том, что свободными (в том числе духовно) не рождаются. Свобода духа есть всегда результат внутреннего роста и преодоления запретов и ограничений. А поскольку и то и другое требует труда, можно быть уверенным, что молодежь мегаполисов этого пути не изберет.

Лексика. Однажды Александр Вертинский случайно оказался свидетелем разговора двух цыганок. Послушав их беседу, Вертинский в нее вклинился (он знал санскрит, так что мог в общих чертах понять язык цыган). Цыганки в ужасе бежали от него. И неудивительно: на протяжении столетий цыгане жили своей замкнутой жизнью. Они могли говорить где угодно о чем угодно; обсуждать любые вопросы, в том числе и криминального свойства, и при этом не скрываться ни от кого. В их мир не было доступа чужим. И вот какой-то уважаемый русский господин вламывается в этот цыганский мир так же запросто, как в свой дом. Тайное внезапно становится явным. Цыганки эти, видимо, почувствовали себя так, как будто их публично раздели догола.

Специальная лексика присуща каждому коллективу. Словарный запас математиков отличается от того, который используют ученые. Босьяк не поймет банкира. Такое расщепление культурной лексики происходит спонтанно. Но в уголовной среде, к примеру, жаргон играет особую роль и вырабатывается целенаправленно. Как и в случае с цыганками, он позволяет отгородиться от чужих и жить своей обособленной жизнью. Молодежная среда также создает свой особый язык и с той же целью: отгородиться от посторонних (родители, педагоги, пенсионеры в общественном транспорте). Фраза «Я ушла в подполье и захлебнулась» посторонним непонятна. Человеку несведущему может показаться, что речь идет о революционерке, утонувшей в ходе борьбы против самодержавия. На самом же деле смысл этой фразы совершенно иной.

Внешний облик. Тема внешнего облика как признака принадлежности к некоей организации весьма обширна. Чем сильнее внешний облик члена группы отличается от обыденного, тем сильнее ощущает он свою принадлежность к группе. В понятие специфического внешнего облика включается множество составляющих – от одежды до, скажем, пирсинга. Единообразие

внешнего облика членов какого-либо коллектива и отличие этого облика от принятого в обществе – мощнейший психологический фактор сплочения такого коллектива. Неудивительно, что изменение внешности так популярно в молодежной среде. В силу действия подсознательных механизмов психики члены такого коллектива воспринимаются как «свои», а все прочие люди – как «чужие». Это не означает неприменной враждебности ко всем, кто не входит в состав коллектива (хотя пример «Белого Братства» показывает, что подобным образом возникает враждебность даже к родителям). Но чувство причастности к некоей общности возникает именно таким путем – при помощи изменения внешнего облика.

Одеяния неформалов – тема разговоров старушек у подъезда и предмет пристального внимания культурологов. Принадлежность к некоему замкнутому миру, отделенному от общества и закрытому для посторонних, должна быть как-то проявлена внешне. Одним из важнейших знаков, служащих для этого, всегда была одежда. Это могли быть халат и головной убор шамана, ризы митрополита, сутана патера, военный мундир офицера или балахон члена ку-клукс-клана. Примечательно, что даже в таких старых общинах, как христианская церковь, священнослужители во время отправления обрядов по-прежнему пользуются специальной одеждой, не используемой вне стен храма.

Почти всегда специальная клановая (назовем ее так) одежда отличается от обыденной по крою, цветом и специфическими украшениями, которые могут нести смысловую нагрузку (например, изображение Ленина на звездочке октябрат). Впрочем, в случае пионерского галстука смысл его треугольной формы вряд ли понятен.

Эскапизм старшего поколения. Какова роль родителей в духовных исканиях подрастающего поколения? Как правило, запретительная, в лучшем случае – нейтральная. Этого следовало ожидать, поскольку молодежные субкультуры по сути своей изолированы от «взрослой». Стиль жизни в наше время изменяется как никогда стремительно, и старшее поколение оказывается неспособным это принять. К тому же молодежные субкультуры являются паразитическими. Они существуют за счет потребления созданного другими. Это утверждение применимо и к материальным, и к духовным ценностям. Поэтому взрослый семейный человек, зарабатывающий деньги трудом, скорее всего не станет сочувствовать юным бездельникам. Юные панки и хиппи со временем либо умирают от наркотиков и СПИДа, либо вырастают и полностью порывают связи с прошлым. А на смену им в ряды неформалов вливаются новые поколения.

Тупиковые варианты деятельности неформальных молодежных коллективов. Душевная инертность – пожалуй, самая распространенная опасность, стоящая на пути любой неформальной группы. Длительное существование в кругу себе подобных – это проще всего. Это чаще всего случается на практике из-за отсутствия у лидера и коллектива воли к действию. Именно из-за такой вялости отсеивается большинство тех, кто приходит в молодежные движения. Среди

вновь принятых в состав любой молодежной группы не менее 90 процентов со временем отсеется безвозвратно. Останутся либо целеустремленные личности, нашедшие то, что искали, либо духовно инфантильные, несамостоятельные дети-переростки. Наконец, в группе остаются и совершенно примитивные люди, готовые убивать время где и как угодно.

Вторая опасность духовного свойства. Сложные утонченные идеи никогда не собирают под свои знамена большое число последователей. Массовые движения всегда руководствуются примитивными общепонятными лозунгами. Почти все молодежные неформальные коллективы совершают одну и ту же ошибку. Они принимают всех проходящих, перегружаясь малоценным человеческим материалом. В жертву массовости приносится духовность.

Будущее молодежных субкультур видится в мрачных тонах. Хотя в метаниях и борьбе юных умов можно порой увидеть проблески гения, это остается уделом немногих счастливых. Большинство удовлетворяется духовными эрзацами. К тому же почти никто не желает подчинять свою жизнь дисциплине и служению какой-либо цели. Служение всегда требует целенаправленных усилий, самоограничения и неустанного труда. К этому мало кто готов. Проще примкнуть к какому-либо неформальному движению, где от тебя ничего не требуется. Поэтому духовная жизнь молодежных субкультур есть некое подобие броуновского движения. Отдельные импульсы изолированы и несогласованы между собой, из-за чего получается топтание на месте, некий духовный «шум», бесцельный и бессодержательный.

4. Национальные культуры и их существование в городских условиях.

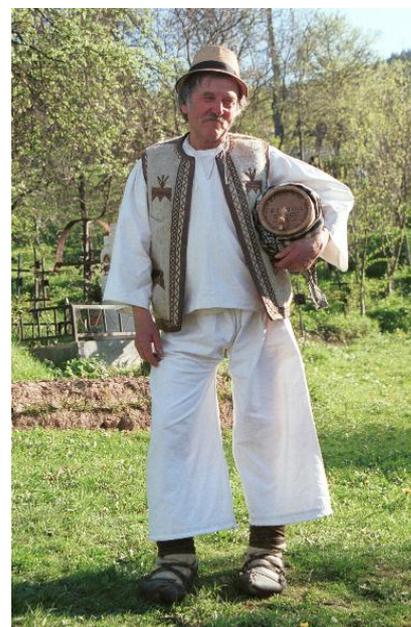

Особенности национальной культуры. Национальная (или традиционная, как ее называют специалисты) культура имеет ряд особенностей, отличающих ее от культуры города. Главная черта традиционной культуры - то, что единицей её существования является не отдельная личность, а коллектив (семья, род, деревня). Причина этого проста. Сельскохозяйственные работы по природе своей выполнимы лишь совместными усилиями всей семьи. В Венгрии, например, и по сей день принято писать фамилию человека впереди его имени. Вызвано это сохранением привычного взгляда на личность как часть общности людей. В личности, живущей в

традиционном обществе, важнее всего не индивидуальные особенности, не уникальный внутренний мир, а наследственная принадлежность к конкретной кровнородственной группе. Главные жизненные ценности национальных культур суть ценности коллективистские. Хранение и развитие традиционной культуры есть функция общенародная. Права и обязанности каждого члена традиционного коллектива в принципе однозначно определяются его местом в этом коллективе. Мужчина, к примеру, имеет право распоряжаться своими детьми, и при этом обязан их

кормить. Замужняя женщина обязана готовить еду детям и мужу, и при этом имеет право наказывать детей за непослушание и проклинать мужа за пьянство, как это имеет место у восточных славян. Старики не имеют почти никаких прав, и, в общем, почти свободны от обязанностей. Так отношения между членами традиционного коллектива образуют некий социальный узор. Любое нарушение привычных связей в этом узоре грозит стабильности всего коллектива. Именно поэтому, например, так жестоко наказывается поведение Катерины в одноименной поэме Шевченко. Рожденный ею ребенок никак не вписывается в схему семейных связей, поскольку его отец этой схеме чужд, точно пришелец с другой планеты. Кстати, в Древней Греции муж имел право убить новорожденного ребенка своей жены, если сомневался в своем отцовстве. Такова цена сохранения стабильности традиционного коллектива – неукоснительное соблюдение правил и обычаев, а также устранение всего, что в эти правила не вписывается.

Ландшафт традиционной культуры. Любая доиндустриальная традиционная культура вписана в природу. Ее плодами она питается, от нее берет всё необходимое. Материальное благополучие и даже выживание традиционного коллектива непосредственно зависят от природных условий. Любые сбои в погоде грозят голодом или даже полным вымиранием. Один из героев Джойса в романе «Улисс» постоянно носит в кармане картофелину – в память о голоде, охватившем Ирландию после неурожая. Поэтому традиционная культура во многом остается частью живой природы; она соотносит свою жизнь с ее жизнью, она откликается на каждое природное явление, начиная с грозы и заканчивая сменой сезонов. Сознание своей полной зависимости

от природы порождает у носителей национальных культур чувство сыновней почтительности к ней. Это чувство есть источник мудрого и гармоничного мировоззрения, в условиях города почти никому не доступного. Именно в симбиозе с живой природой кроется неискоренимая психологическая притягательность любой национальной культуры для каждого, кто с ней хотя бы однажды встречался. Именно поэтому дальнейшее развитие нашей современной культуры, городской по своей сути, не может автоматически воспроизвести формы культуры традиционной.

Праздники. Было бы ошибкой полагать, будто жизнь традиционного коллектива сводится к труду в поле и к наказанию матерей-одиночек. Вообще надо сказать, что подлинная, немеркантильная духовность присуща человеческой культуре всегда. Она может присутствовать в деревенской жизни в незначительной пропорции; может составлять единственную цель жизни художника. Но из человеческой культуры духовность никогда не исчезает целиком. Это относится и к традиционным обществам. В этих обществах духовные традиции бережно хранятся всем

коллективом; любые личные импровизации, любая отсебятина безжалостно отвергаются. Выживают лишь те изменения, которые приняты и одобрены общественным сознанием.

Духовная культура традиционного общества спит в повседневной жизни и пробуждается во время праздников. Помимо утилитарной функции (свадьба, сбор урожая), праздник мобилизует все высшие культурные ценности. Пространство праздника и есть тот космос, в котором обитает традиционная культура. К празднику из сундуков извлекаются яркие наряды, из памяти – песни и танцы, из погреба – вина и закуски. В конечном счете праздник есть то, ради чего существует все богатство национальной культуры. Именно в ходе праздника и

происходит полное переживание духовных ценностей традиционной культуры. Сокровенная сущность традиционной культуры, незаметная и скрытая в обыденной жизни, раскрывается для участников праздника. Тот, кто пережил народный праздник, кто хотя бы однажды погрузился в его атмосферу, более не задается вопросом о смысле и ценности традиционной культуры. Он пережил причастность этому смыслу во время праздника. Он знает его в глубине души. Доказательства ему не нужны.

Деревенский и городской уклады жизни. Традиционная культура обладает свойствами, позволяющими ей передаваться следующим поколениям на протяжении многих веков без изменений. Например, устойчивость языка многих культур просто поразительна. Невероятно, но факт: современные греки могут понять многие слова микенского диалекта. Язык сохранил их на протяжении трех с половиной тысячелетий. Однако эта стабильность проявляется до тех пор, пока национальная культура успешно существует.

Те, кто верит в будущее традиционных культур в городе, упускают из виду различия между городским и деревенским укладами жизни. Между тем в этом различии заключается сущность проблемы. Любая культура существует благодаря конкретным живым людям, являющимся ее носителями. Традиция, не обеспечившая преемственности, обречена на исчезновение. Поэтому для понимания перспектив традиционных культур в городе мы должны ответить на два вопроса: может ли существовать ли в городе коллектив традиционного типа и представляет ли традиционная культура ценность для городского жителя?

Коллектив и личность в деревне и городе. В большом городе единицей существования человеческого вида является уже не коллектив. Для существования в городской среде важны личные деловые качества. Кроме этого, стиль жизни горожан позволяет индивиду вообще прервать связи со своим родом и существовать обособленно. Деревенский уклад жизни небезупречен, несмотря на свою стабильность и консервативность. Жизнь в городе позволяет не считаться с традициями, правилами и обычаями. Именно поэтому традиционные ценности, необязательные и бесполезные для горожан, в городской среде не приживаются. Если в небольших городах еще возможно компактное проживание представителей конкретной национальной культуры, то в мегаполисах происходит столь бурное перемешивание отдельных индивидов, что верность национальным традициям неизбежно принимает сугубо декоративный характер. Эта закономерность лишней раз подтверждает относительность всех традиционных моральных норм. То, что было жизненно необходимо для существования в деревне, оказывается обузой в городе. Тесная взаимопомощь родственников в повседневной работе, приводящая к пресловутому «кумовству», в городских условиях принимает уродливую мафиозную форму. Сноровистый друг оказывается предпочтительнее какого-нибудь нерасторопного родственника. В подобной ситуации каждый сам за себя. Происхождение не играет прежней роли; важны лишь индивидуальные способности. Личное имя становится важнее фамилии, и поэтому его пишут уже впереди.

Еще одно важное отличие деревенской культуры от городской лежит в области морали. В условиях деревни личность волей-неволей вынуждена следовать (по крайней мере, на людях) общепринятым нормам поведения. Нарушитель наказывался немедленно и весьма усердно. Особенно это касалось молодежи, материально зависящей от родителей. В городе же, с его совершенно иным стилем жизни, уследить за каждым человеком физически невозможно. Этой свободой нельзя не воспользоваться, и ею пользуются.

Культура городская в первую очередь рассчитана на индивида. Более того, она творится в первую очередь индивидуально. Народная мудрость, столь важная для культуры традиционной, в городе обретает вид стариковского консерватизма. Непоколебимая верность отцовским традициям в искусстве выглядит смешно по сравнению с бурной продуктивностью искусства городского. Национальные праздники в городских условиях, разумеется, не могут объединить всех. Они постепенно сводятся к самодеятельности, живущей лишь на сцене. Исполнение народных

песен и танцев становится уделом профессионалов, которым в сущности всё равно что исполнять – хоро, жок или сиртаки.

Деградация национальных культурных традиций в деревне. Изучение обычаев населения Украины показало, что уже на рубеже XIX-XX веков распад традиций шел пугающе быстрыми темпами. С прежними обычаями никто специально не боролся. Молодежь попросту игнорировала их и вела себя так, как ей хотелось. А причина была проста. В это время началось интенсивное строительство фабрик и заводов. Молодые крестьяне (особенно безземельные) охотно шли на них работать. Как это происходило, показывают романы и повести Нечуя-Левицкого. Работать на заводах и фабриках было гораздо проще, нежели пахать землю и выращивать хлеб. Ни о каких деревенских праздниках в среде фабрично-заводских рабочих, разумеется, не могло быть и речи. В деревне же пошел процесс угасания традиционных национальных культур, продолжающийся по сей день. Дети вчерашних крестьян в наши дни вырастают зачастую уже в городской среде. Они порой приезжают на летние месяцы в родные деревни, ни никогда в них не переселятся. У них совершенно другие интересы и ценности. Это делает угасание традиционных культур в деревне необратимым. Смогут ли национальные культуры существовать в городе?

Национальные общества в городе. Говоря исторически, городские национальные общества рождаются на стыке национальной и городской культур в результате конфликта между этими культурами. Национально окрашенная культурная традиция, уходящая корнями в средневековье и даже еще глубже, сталкивается с космополитичной, национально индифферентной культурой городской. Исход этого столкновения предрешен. Выстоять перед натиском агрессивной и динамичной городской культуры невозможно. Национальные общества – отчаянная последняя попытка национальных культур спастись в оазисах, вкрапленных в механическую пустыню мегаполиса.

Люди, родившиеся и выросшие в лоне национальных культур, очень остро переживают обезличивающее, мертвящее влияние городского уклада жизни. Поэтому появление национальных обществ является закономерным и неизбежным результатом переселения в города носителей национальных культур. Национальные общества порождены глубочайшей инстинктивной потребностью собраться в коллектив, подобно тому, как зимой пчелы спасаются от замерзания. И этот стихийный способ создания национальных обществ на первых порах вроде бы срабатывает. Кажется, что достаточно лишь собраться воедино носителям одной национальной культуры – и произойдет чудо, она оживет. Энтузиазм укрепляют народные праздники, которые поначалу проходят красочно и собирают множество

участников. Всегда приятно вспомнить молодые годы в кругу земляков и родственников. Бесплатное угощение и прочие материальные блага привлекают в ряды национального общества множество народа. Однако в дальнейшем, когда деятельность сводится к отбыванию праздников и распределению материальных благ, жизнь общества затухает. Усвоение народных традиций – очень медленный и хрупкий процесс. Для этого усвоения городская жизнь слишком быстролетна. Наступает отрезвление, и надежды рушатся. Оживление вносит лишь раздача гуманитарной помощи. В такие моменты страсти разгораются по-настоящему; многие при виде бесплатных спальников или ботинок вдруг вспоминают о своих исторических корнях. Праздники оказываются скучными; зачастую приходят на них лишь ради дармовой еды. Отсутствие продуманной концепции национальной культуры приводит к тому, что деятельность национального общества носит импровизационный характер. Когда же фантазия руководителей истощается, наступает угасание. Национальное общество проявляет какую-то активность, пока живы носители национальной культуры, родившиеся еще в глубинке. С их уходом жизнеспособность национального коллектива станет весьма проблематичной.

Так что же сохранять: этнос или культуру? Для большинства носителей национальных культур подобная дилемма невыносима. В их представлении культура неотъемлема от соответствующего этноса. Размытие этнических границ и распад традиционного этнического самосознания, происходящие в городах, представляются им страшной трагедией. Наследственность кровная и наследственность духовная более не связаны между собой. То, что было свято и неприкосновенно для отцов, детьми осмеивается или игнорируется. Естественно, что в этих условиях добрые старые времена выглядят очень привлекательно. Если раньше жилось лучше, чем теперь (во всяком случае, в это многие верят), для достижения счастья следует просто воссоздать старину. В прежние времена молодежь была действительно трудолюбива и почтительна, отец передавал свое ремесло сыну, едва ли не единственным источником богатства был труд от зари дотемна, а девушки выходили замуж девственницами (по крайней мере, так все говорят). Прекрасная картина, что и говорить. Именно по этой причине консерватизм, как мировоззрение и программа действий, всегда будет иметь сторонников среди пожилых людей.

Что означает идея консерватизма на практике? Собрать воедино рассыпанную мозаику, вернуть прошедшее мгновение, впихнуть цыпленка в скорлупу, завертеть колесо в обратную сторону, вновь сделать старика цветущим юношей – вот цель и мечта того, кто пытается осуществить реставрацию прошлого. Собрать в единое целое соплеменников – и тогда, быть может (в это хочется верить), позабытые обычаи оживут, как Феникс из пепла. Надо только собрать вместе подлинных представителей своего народа, отсеивая чужаков и полукровок. Вот так в деятельности национальных обществ детская вера в чудо сочетается с почти пещерными акциями. Нельзя иначе назвать попытки создать «чистый» национальный коллектив, наподобие своры

чистопородных борзых. Многие даже не замечают, как это аморально – мыслить о людях в терминах собаководства. Пусть кто-нибудь объяснит, почему, с какой стати соплеменника-негодяя следует предпочесть порядочному представителю иной нации. Выдающийся болгарский просветитель Паисий Хилендарский в своей «Истории славяно-болгарской», описывая притеснения, которым подвергались болгары со стороны греков, написал знаменательные слова: «Не писал этого здесь, чтобы похвалили болгар и греков хулили... Имели бы любовь и согласие греки и болгары, никогда не смогли бы их победить». Когда персидская армия взяла Вавилон, царь Кир позволил евреям, чьи предки были пригнаны в Месопотамию при Навуходоносоре, вернуться в Палестину. Когда же евреи, предводительствуемые Неемией и Ездрой, прибыли на родину предков, их поразило и возмутило широкое распространение межнациональных браков у евреев, живущих в Палестине. Все эти браки были признаны недействительными и расторгнуты.

Национальная дискриминация может привести лишь к раздвинутию чувства этнической исключительности. Какие могут быть доводы в пользу дискриминации, если один этнос ничем не лучше и не хуже другого? Поэтому невежество руководителей национального общества способно привести к национализму. Самые благие помыслы от этого не спасут. Этнический же национализм есть мировоззрение настолько убогое и непривлекательное, что является наилучшим средством оттолкнуть интеллигентных людей от участия в жизни национального общества. Не говоря уже о том, что национальная интеллигенция и интеллигенты данной национальности – совершенно разные понятия. История, например, знает многих выдающихся представителей древнегреческой культуры, не являющихся этническими греками. Таков, например, скульптор V в. до н.э. Менахм из Навпакта. Его семитское имя несомненно указывает на негреческое происхождение. Зенон из Китиона, основатель стоической философской школы, был финикийцем. В эпоху раннего эллинизма творил составитель знаменитой «Антологии» замечательный поэт Мелеагр из Гадары. Эллинский поэт и сириец в одном лице – сочетание вполне в духе того времени. Крупный мыслитель неоплатонизма Порфирий, кстати, также был сирийцем. Без тени смущения он сам сообщает о себе эту биографическую деталь. Латинянин Марк Аврелий Антонин был одновременно римским императором и прекрасным эллинским мыслителем. Нельзя обойти молчанием Лукиана из Самосаты. Этот варвар, для коего язык Софокла и Платона стал понятен лишь в зрелом возрасте, вошел в историю античной литературы как блестящий греческий писатель. Тонкий знаток греческой культуры, интеллигент, великий насмешник, превосходный образец вкуса и юмора, на произведениях коего учились многие поколения греков – вот кем является этот си-

рий, например, скульптор V в. до н.э. Менахм из Навпакта. Его семитское имя несомненно указывает на негреческое происхождение. Зенон из Китиона, основатель стоической философской школы, был финикийцем. В эпоху раннего эллинизма творил составитель знаменитой «Антологии» замечательный поэт Мелеагр из Гадары. Эллинский поэт и сириец в одном лице – сочетание вполне в духе того времени. Крупный мыслитель неоплатонизма Порфирий, кстати, также был сирийцем. Без тени смущения он сам сообщает о себе эту биографическую деталь. Латинянин Марк Аврелий Антонин был одновременно римским императором и прекрасным эллинским мыслителем. Нельзя обойти молчанием Лукиана из Самосаты. Этот варвар, для коего язык Софокла и Платона стал понятен лишь в зрелом возрасте, вошел в историю античной литературы как блестящий греческий писатель. Тонкий знаток греческой культуры, интеллигент, великий насмешник, превосходный образец вкуса и юмора, на произведениях коего учились многие поколения греков – вот кем является этот си-

риец для эллинов. По богатству словарного запаса Лукиан превзошел даже афинянина Платона. Плотин, как известно, был египтянином. Никто из этих варваров не вносил в создаваемые ими произведения искусства или же литературы ничего негреческого. Все они были великолепными знатоками и творцами древнегреческой культуры. Приведенных примеров, очевидно, довольно для того, чтобы понять абсолютную первичность культуры по отношению к этнической принадлежности. Форма нашего носа, цвет волос, любимые блюда – всё это важно лишь для нас и умирает вместе с нами.

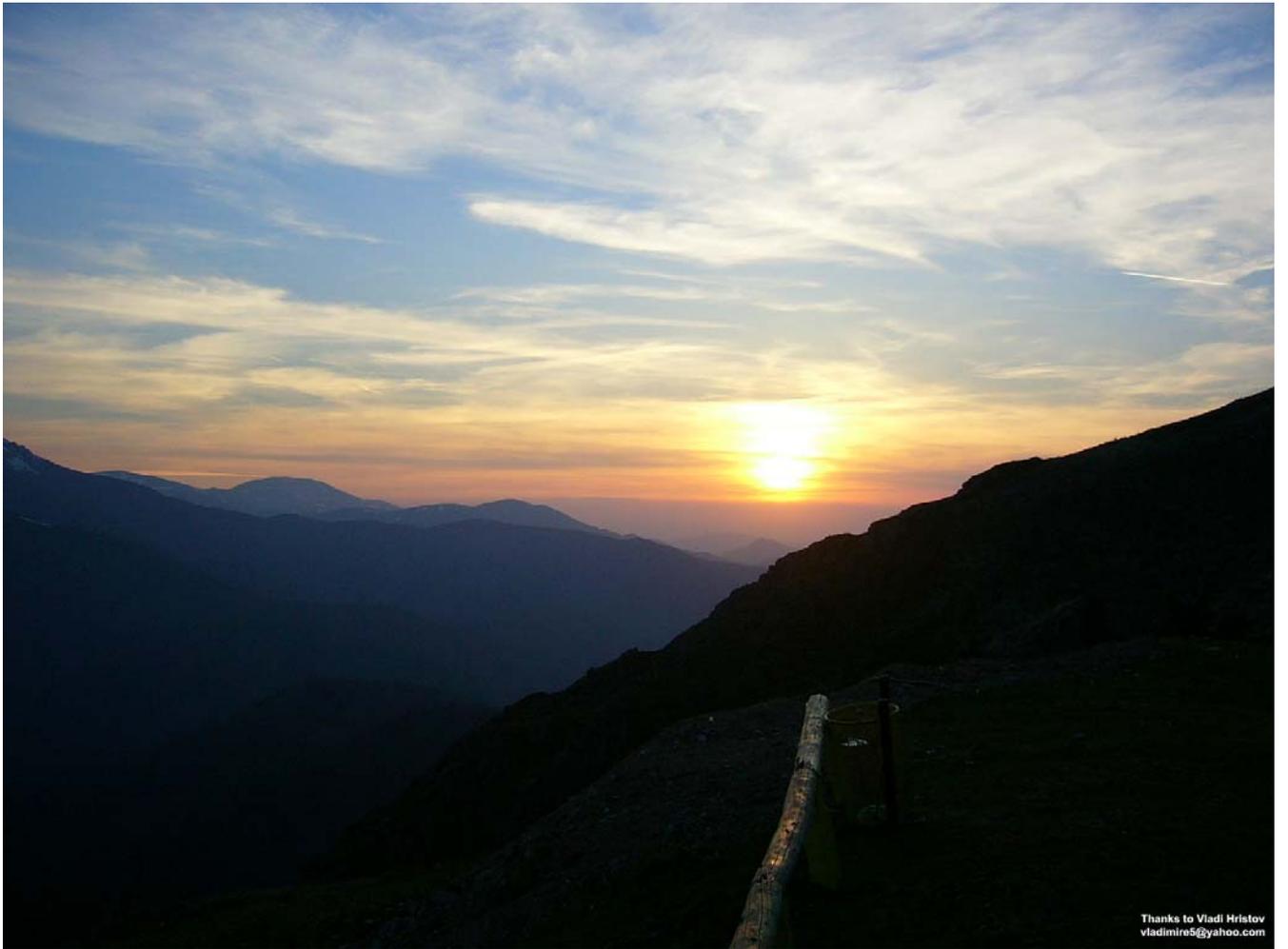
Неэффективность дискриминационных методов. Всякий, кому доводилось путешествовать по степям Таврии и Одесщины лет пятьдесят тому назад, замечал интересную картину. Одна деревня была населена, к примеру, русскими из-под Курска, соседняя – молдаванами, в третьей жили болгары. Далее – русские с Кубани, еще дальше – хохлы с Полтавщины, за ними немцы, за немцами греки. Эта пестрота успешно сохранялась самым жизненным укладом деревенских жителей. Разными были языки, праздники, все или почти все обычаи. Представителей одной национальности не нужно было призывать держаться кучно; это происходило само по себе. Как в те времена русская могла выйти замуж за немца? Мог ли еврей жениться на хохлушке? Конечно, исключения бывали, но они скорее подтверждали стабильность национального жизненного уклада и соответственно каждой национальной культуры.

Мегаполис диктует иной образ жизни. Как правило, дети живут вдалеке от родителей. Общение горожан протекает в кругу одноклассников, коллег, соседей по пенсионерской скамеечке. Телефон этого положения не изменяет. Как теперь заставить собраться в единый коллектив чужих друг другу людей, принадлежащих, впрочем, к одной нации? Для чего это нужно? К каким же чувствам следует взывать тому, кто захочет в городе создать национальный коллектив? У семейных людей растут дети. Принять ли этих детей в национальный коллектив или отвергнуть? А у детей двое родителей, причем почти всегда – разных национальностей. Может быть, следует поступать подобно Неемии и Ездру? Как объяснить подростку, что он должен общаться не со школьными друзьями, а с незнакомыми ему соплеменниками?

Впрочем, этническая дискриминация вредна не только тем, что способствует раздуванию националистических чувств. Хуже то, что раздувание это вводит в заблуждение даже представителей одного народа. При самоидентификации любого человека с этносом всегда определяющей является культурная принадлежность. В наше время, например, француз – это гражданин Французской Республики, имеющий соответствующее образование, вкусы и привычки. Он может говорить по-французски, по-бретонски, даже по-итальянски. А, скажем, франкоязычный гражданин Бельгии или Швейцарии французом не является. И уж тем более не считает себя французом житель Квебека. Эркюль Пуаро в романах Агаты Кристи постоянно напоминал, что он бельгиец, а не француз. Эта особенность самосознания не придумана писательницей, а есть

наблюдение из жизни. Нация может возникать в результате смешения самых разных народов. Правда в том, что этнически однородных наций попросту не существует. Исторические перипетии могут связать воедино и сплавить самые различные этнические группы. Тем более это справедливо для населения больших городов, где необратимый процесс перемешивания наций ускоряется многократно. Ни остановить его, ни тем более обратить вспять невозможно никакими методами. К тому же в глазах людей, родившихся и выросших в городе, этническая принадлежность не имеет значения. Постоянное о ней напоминание может лишь раздуть национальную спесь. Впрочем, более возможна другая реакция. Молодежь, наделенная городским менталитетом, сочтет все эти национальные мероприятия скучными, а речи об этнических корнях – назойливыми. И таким вот образом непродуманная политика национального общества привет молодежь лишь неприязнь к собственной культуре. Как говорится, хотели как лучше, а вышло как всегда. Так и вспоминается басня о медведе и мухе. Остается еще один путь привлечения новых людей в национальное общество – материальное стимулирование. А как только становится выгодным участие в национальных праздниках, в общество стремятся бесцеремонные стяжатели, вдруг вспомнившие о своем происхождении. Естественно, что они, как люди деятельные и практичные, начинают играть в национальном обществе заметную роль. В обществе могут состоять и люди, склонные к мечтательности; в деятельности такого коллектива они склонны видеть симптом возрождения национальных культурных традиций. Так национальное общество, действуя стихийно, рискует со временем превратиться в сборище инертных, безынициативных людей, возглавляемое невеждами-хапугами и сентиментальными романтиками. И никто не догадывается прямо заявить, что в деле сохранения национальных культур этническое происхождение – ничто, а культурная принадлежность – всё. Никто не осмеливается сказать во всеуслышание, что надо не хвастаться своим происхождением (в котором нет нашей заслуги), а беречь высокие духовные ценности, завещанные нам предками. Никому не приходит в голову, что культура – единственное, что отличает нас от животных. Будущим поколениям остается после нас только то, что обладает общечеловеческой ценностью – стихи, картины, книги, скульптуры, музыкальные произведения. Сент-Экзюпери сказал как-то, что все немцы – соотечественники Бетховена. Этим можно вскружить голову даже трубочисту. И это гораздо труднее, нежели из трубочиста сделать Бетховена.

"Только дух, коснувшись глины, творит из нее человека"

Thanks to Vlado Hristov
vladimire5@yahoo.com